

ТУРЕ
РЕНБЕРГ Толлак,
который
Ингеборги

TORE
RENBORG

Tollak
til
Ingeborg

ТУРЕ
РЕНБЕРГ

Толлак, который Ингеборги

Роман

Перевод с норвежского
Ольги Дробот

издательство **АСТ**

Москва

УДК 821.113.5-31
ББК 84(4Нор)-44
Р39

Published in agreement WITH OSLO LITERARY AGENCY

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Ренберг, Туре.

Р39 Толлак, который Ингеборги : роман / Туре РЕНБЕРГ; пер. с норв.
О. ДРОБОТ. — Москва : Издательство АСТ : CORPUS, 2026. — 224 с.

ISBN 978-5-17-155932-8

Толлак ждет скорой смерти на хуторе, рядом с ржавеющей лесопилкой, она кормила его почти всю жизнь. Бешено любимая жена Ингеборга исчезла двадцать лет назад. Из детей лишь сын изредка навещает отца, дочь как уехала в столицу, так и все. И только Оддо-тупица, которого еще в детстве Толлак забрал у отказавшейся от него матери, чинит в сарае сеть уже неизвестно сколько времени. Толлак — человек бурных страстей и жестких реакций, он строго судит новый мир, прощает себе свое пьянство и ищет примирения со своим прошлым. Но сегодня все дети соберутся вместе, потому что Ингеборга просила Толлака объясниться с ними перед смертью. Туре Ренберг хорошо знаком русскому читателю своими романами “Ты такой светлый” и “Шарлотта Исабель Хансен”, по которому снят фильм “Я лечу одна”. Роман “Толлак, который Ингеборги” собрал все национальные премии и переведен почти на два десятка языков.

УДК 821.113.5-31
ББК 84(4Нор)-44

ISBN 978-5-17-155932-8

- © Tore Renberg
First published by Cappelen Damm AS, 2020
- © О. Дробот, перевод на русский язык, 2026
- © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2026
- © ООО “Издательство АСТ”, 2026
Издательство CORPUS ®

1

Вдруг рот наполнился кровью, и я сплюнул в ладонь зуб. Весь день лил дождь, тяжелый, беспросветный, но свечерело, и потоп иссяк. У крови привкус железа, я харкнул и сглотнул ее, глядя на луну за окном гостиной, на прибитый над Вестмаркой узкий серп. Ноябрь, считай, кончается, осталась неделя-другая. Я включил настольную лампу Ингеборги, она всегда, как отужинаем, сразу ее зажигала и садилась так, чтобы свет падал на книгу или там газету, и читала, каждый вечер, любила чтение. Я сунул ладонь в круг света. Ага, моляр из верхних задних. По нему ручейками винно-красного цвета растекалась свежая кровь. Я пошел в ванную, наклонился над раковиной, сплюнул. Кровь не останавливалась. Поднял глаза, посмотрелся в зеркало: старое лицо, у глаз морщины, раздутая верхняя губа, куца борода, вот же сроду я не любил пялиться на себя в зеркало. Провел языком по зубам и нащупал место, где моляр этот когда-то пустил корни, угнез-

дился и стоял. Я открыл шкафчик за зеркалом и достал ватный тампон из пакета. Это Ингеборгино хозяйство, я после нее ничего не трогал. Стал пихать вату в лунку, глядь, снова кровь пошла. Опять сплюнул и запрокинул голову, стиснув зуб большим и указательным пальцами; кровь шла сильнее, мысли пихались, отталкивая друг дружку, и до меня медленно-медленно, как будто я втаскиваю за собой лестницу, дошло наконец, что это значит.

Это было в среду на прошлой неделе.

А я Толлак, который Ингеборги.

Человек ушедшего времени.

Искать себе место еще где-то у меня и мысли нет.

Который час?
Половина пятого.
Сегодня ни одного зверя не встретил, все
от дождя попрятались.

Да. Дороги назад нет, черные псы догоняют меня.

Все погружается во тьму, двор, сарай, лесопилка.
Вестмарка и гора Сёрфьеллет. Все, что окружало
меня всю жизнь. Скоро останутся только черные
силуэты. Снег бы добавил мягкости сему несолнеч-
ному месту, но снег пока не лег, еще рано.

Ноябрь.

Как там Ингеборга его называла?

— *Пора, когда жизнь на просвет, Толлак.*

— Да.

— *Осень отцветает, зима выжидает.*

Красиво она говорила, Ингеборга, не счесть
сколько замысловатых слов и выражений я от нее
выучил.

— *Наша пора побыть вместе, Толлак, другой не бу-
дет, веди уж себя поласковее.*

Туре Ренберг

Да.

Было так.

Я очень сильно ее любил, еще сильнее любить женщину просто невозможно, и я проклиная адские силы, которые забрали ее у меня.

Свет за окном ржавеет.
В доме холодно. Надо подбросить поленья в камин. Дрова плохо горят, заплесневели. В последние годы я сушу дрова абы как, раньше за мной такого не водилось.

Ингеборга мерзлячка была. Всегда ходила в вязаной кофте, да еще стягивала ее на груди. Так и слышу ее голос:

— *Толлак, подбрось полешко, пожалуй.*

И я подкладывал еще полено.

А вечером снова-заново:

— *Толлак, там огонь не погас?*

И дети тоже мерзли. Особенно Хиллеви, тонкокожая девочка. Когда маленькая была, только и слышал от нее: ой, холодно в доме, ой, опять холодрыга. Так оденься потеплее. Отец мой небось неслучайно так дом построил. А чтобы воздух ходил.

Они скоро придут, Хиллеви да Ян Видар. Я позвонил им в четверг утром, после как зуб выпал. И попросил приехать. Сюда, в глушь мою. Домой.

Туре Ренберг

Время пришло, подумал я. И мне недолго осталось.

И они в неведении уже довольно натерпелись.

Оддо.

Ингеборга моя.
Так и вижу ее лицо. Оно было хорошо вылеплено. И как она идет по комнате, вижу, шаги пружинят, лошат пол, бедра покачиваются. И спину ее вижу, и как Ингеборга наклоняется. И слышу ее голос, глубокий, грудной, напоенный дыханием:

— *Из тебя клещами слова не вытянешь, Толлак.*

Иногда она говорила так с любовью. А другой раз с отчаяньем. Или с горечью. Но обычно с раздражением. И у нее были причины раздражаться. Я и правда не говорун.

Вспомнился вдруг, пока я тут в окно гляжу, один наш вечер много лет назад. Хиллеви и Ян Видар тогда только в школу пошли.

Дети уснули, и мы с Ингеборгой залезли в кровать. И плоть к плоти. Мы с ней горячие были, тянуло нас друг к дружке. И удержу не знали, заводились прям как зверята.

Я не могу перестать думать об этом.

Что ей все время хотелось меня, а мне хотелось ее.

И вечер тот я отлично помню. Я насытился ею, она упиалась мной. Я лежал на спине, весь как выжатый, и вдруг язык у меня и развязался.

— Ингеборга, — сказал я и повернул голову. Она дремала, прикрыв глаза, к оливковой коже прилипли несколько волосков, и я смотрел и на нее и любовался.

Как всегда.

— Небось они все видят, вся долина, как я горд своей женой.

— Чтоо?..

Лениво протянула она.

— Это не так устроено, что если я мало говорю, то я вообще безъязыкий.

Она открыла глаза. Повернула голову и посмотрела на меня.

— Я знаю, — сказала она.

— Во мне вот здесь много слов, — продолжал я, потому что в тот вечер мне хотелось говорить и говорить.

— Я знаю, — снова сказала Ингеборга и взяла меня за руку. — Я всегда их слышу, слова, которые у тебя там.

Ну нет, подумал я, это тебе слабо, но вслух не сказал.

— А все потому, Толлак, что я тебя насквозь знаю. Это тебе известно?

ТОЛЛАК, КОТОРЫЙ ИНГЕБОРГИ

Она лежала рядом такая милая, такая самая настоящая Ингеборга, что я кивнул, но про себя подумал: ну ты даешь, мать, никому не дано меня знать.

А она засмеялась, я уверен, что помню это.

Она смеялась все время, жена моя. Мне кажется, в ней смех всегда курился наготове и чуть шанс представится — тотчас вырывался наружу, без лишних уговоров.

Мне вот смех не дается. Сам удивляюсь почему. Ан не выходит у меня, и все тут. Что-то меня тормозит. Мышцы рта тоже не хотят включаться. Внутренний голос говорит: не надо, не делай так, посмешищем станешь. Самому мне на это плевать. Но вот перед Ингеборгой совесть моя не чиста. От меня б не убыло побольше смеяться с ней на пару.

Остальные-то меня не волнуют.

Да, да.

Раскаянием прошлое не переделать.

Я подхожу к окну и смотрю на двор. В сарае горит свет. Там Оддо. Я его с раннего утра не видел. У него спокойный день сегодня. Он еще не знает, что они едут.